

П. Д. БАРАНОВСКИЙ КАК АРХЕОЛОГ: КОЛОМЕНСКОЕ 1920-е – 1940-е ГОДЫ

© 2023 г. С. И. Баранова^{1,2,*}, Л. А. Беляев^{3,**}

¹Томский государственный университет, Томск, Россия

²Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

³Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: svetlanbaranova@yandex.ru

**E-mail: labeliaev@bk.ru

Поступила в редакцию 06.12.2022 г.

После доработки 06.12.2022 г.

Принята к публикации 13.06.2023 г.

В статье ставится вопрос о необходимости публикации части архива известного архитектора-реставратора XX в. Петра Дмитриевича Барановского. Она связана с его работами по изучению царской резиденции XVI – XIX вв. в селе Коломенское (сейчас в Москве). Публикуется часть обзора археологических работ в Коломенском, составленного исследователем в 1940-х годах и только что обнаруженного в его архиве. В документе содержится краткий отчет о раскопках 1930 г. на месте шедевра архитектуры Москвы – Деревянного дворца царя Алексея Михайловича. До сих пор никаких фиксационных материалов этих работ не было известно. Найденный документ включает также описание реставрации каменных сооружений дворца, проведенной П.Д. Барановским в 1923–1928 гг., и представляет контекст археологических работ 1933 и 1935 гг. Особое внимание уделяется реконструкции плана дворца на местности и локализации его печей, а также характеристике их изразцового декора. В статье публикуется также аналитическая графика архитектора 1940-х годов, связанная с реконструкцией остатков дворца и созданием его новой модели.

Ключевые слова: Московское царство, деревянный дворец в Коломенском, археология нового времени, изразцы, царские резиденции, история археологии, история реставрации, музееведение.

DOI: 10.31857/S0869606323040037, **EDN:** HEIFBZ

Образ Петра Дмитриевича Барановского (1892–1984 гг.), культовой фигуры в деле архитектурной реставрации и спасения памятников зодчества, к концу XX в. превратился в портретолеографию (см., например: Петр Барановский, 1996) с дежурным перечнем спасенных, отреставрированных или изученных при сносе древних зданий (рис. 1). Параллельно слышалась критика его деятельности как мистификатора, создавшего благонамеренные подделки: текст Гектора Берлиоза о церкви Вознесения в Коломенском и прорись надгробия Андрея Рублева (Формозов, 1988. С. 132–134; Дудочкин, 2017. С. 514–547 и др.). Современники дают альтернативную оценку его деятельности и как архитектора-исследователя. Мученик реставрации, он предстает не особенно образованным человеком, своего рода юродивым, который почти ничего не публиковал, а если что и писал, то более всего жалобы и доносы (см., например: Кавельмахер, 2004). Основные упреки заключаются в том, что П.Д. Барановский не вводил в науку и не интерпретировал свой материал, а как ученый работал разве что случайно (к реставра-

ции как науке убежденный практик относился скептически).

Действительно, опубликовано им было мало. Общая болезнь архитекторов-реставраторов советского периода состояла в том, что они были перегружены практической работой и не всегда имели серьезное гуманитарное образование. Выдача результатов в печать, затрудненная множеством обстоятельств, не считалась в их среде обязательной. Но вот в отношении исследовательского подхода критики явно ошиблись. П.Д. Барановский был увлеченным и при этом внимательным ученым-практиком, шедшим трудным путем автодиакта и часто изобретавшим собственные методы. Это становится все очевиднее по мере ввода в оборот блоков материала из личного фонда Барановского в Государственном научно-исследовательском музее архитектуры им. А.В. Шушова (ГНИМА), куда архив исследователя поступил в полном виде: дневники, письма, обмеры, фотографии, протирки и многое другое. Систематизация архива показала перспективность проработ-

Рис. 1. И.Э. Грабарь. Портрет архитектора-реставратора П.Д. Барановского, 1938–1951. Красноярский художественный музей имени В.И. Сурикова.

Fig. 1. I.E. Grabar. Portrait of the architect-conservator P.D. Baranovsky, 1938–1951. V.I. Surikov Krasnoyarsk Art Museum

ки, часть за частью, всего наследия (Ходаковский, 2015. С. 163–187; Казусь, 2015. С. 188–202; Оксенюк, 2015. С. 168–177; Оксенюк, 2019. С. 150–153 и др.). Эти материалы заслуживают и полного научного издания в уже запущенной серии “Из архива архитектора-реставратора П.Д. Барановского” (Соловецкий монастырь, 2000; Болдинский монастырь, 2004; Смоленская ротонда XII в., 2020).

Данная статья — заявка на следующий том. Она посвящена исследованиям Петра Дмитриевича в той главной лаборатории по сохранению русского архитектурного наследия, которую он своими трудами создал в 1920-х годах в Коломенском, и продолжает нашу недавнюю книгу о деревянном дворце Алексея Михайловича в Коломенском (Баранова, Беляев, Топычканов, 2022). В самой монографии эти сведения учтены, но ограниченный объем не позволил уделить равное внимание всем археологическим источникам, в том числе ключевому документу, осветившему работы 1930-х годов, ранее не известному.

Конкретная задача статьи — дать обзор сведений о натурных работах П.Д. Барановского в Коломенском и показать его как инициативного, ищущего методически оправданных подходов архитектора-археолога, работавшего в сложной социальной обстановке России 1920–1940-х годов и внесшего свой вклад не только в создание московской школы реставрации, но и в становление археологии.

Нельзя сказать, что работы П.Д. Барановского в Коломенском до сих пор не изучали, а их материал не использовали. К ним обратились уже в 1940-х годах, когда о многом еще можно было спросить самого автора. В 1990-х годах они упомянуты в статьях по археологии деревянного дворца, где подробно разобраны даже незначительные эпизоды. Но главный этап работ самого П.Д. Барановского — раскопки 1930 г. — не мог быть привлечен, а его документы не были известны (Беляев, Кренке, 1993. С. 72–112; подробнее см.: Баранова, Беляев, Топычканов, 2022), поскольку материалы по Коломенскому в фонде П.Д. Барановского (ГНИМА) до 2021 г. оставались вне поля зрения ученых. Не стала объектом анализа ни его широко известная реставрация в 1920-х годах каменных палат Государева двора, ни работа Петра Дмитриевича по осмыслению полученных тогда материалов для дальнейшей реконструкции ансамбля и создания модели Государева двора (ею он занимался с конца 1940-х годов вместе с В.М. Маковецким). На этих трех эпизодах, отраженных в материалах архива ГНИМА, и будет сосредоточено внимание в статье.

Обширная монография по Государеву двору в Коломенском избавляет нас от необходимости останавливаться на общих вопросах его архитектуры и истории. Государев двор, состоявший из периметра каменных стен и палат с воротами, внутри которых стоял большой деревянный дворец, был построен в 1667 — начале 1680-х годов царями Алексеем Михайловичем и его сыном Федором. Дворец прожил около века и был разобран при Екатерине II, образовав обширное дворище. Почти все стены периметра Государева двора и Кормовой двор (кухни и хранилища запасов) в его юго-западном углу разрушились и были разобраны в XVIII–XIX вв. Сохранились, но в очень перестроенном, частью руинированном состоянии, западные (Задние) и восточные (Передние) ворота с примыкающими палатами.

После 1917 г. село Коломенское с остатками дворца утратило статус царского владения. В 1923 г. П.Д. Барановский, имевший опыт реставрации, создал здесь музей древнерусской архитектуры (филиал ГИМа) на базе памятников зодчества XVI (церкви Вознесения в Коломенском и Иоанна Предтечи в Дьякове) и XVII вв. (остатки Госу-

Рис. 2. И.Ф. Баршевский. Экспозиция в бывшей трапезной Георгиевской церкви. Музей-заповедник “Коломенское”. Фотография 1935 г. МГОМЗ.

Fig. 2. I.F. Barshchevsky. Exposition in the former refectory of St. George's Church. “Kolomenskoye” Museum-reserve. Photo of 1935

дарева двора с Казанской церковью). Музей собирал декоративные детали разрушаемых церковных зданий: иконы с архитектурными сюжетами и все, что касалось самого Коломенского. Сюда перевозили деревянные постройки Русского Севера, которым угрожала гибель, и белокаменные фрагменты разрушаемых зданий Москвы.

Первым крупным проектом П.Д. Барановского в Коломенском стало восстановление зданий восточного фасада Государева двора: Приказных палат, Передних ворот, Полковничьих палат, Сытного двора. Они были удивительно быстро очищены от мусора, натурно изучены и в соответствии с тогдашними принципами реставрации освобождены от искажающих поздних достроек (иными словами, сломаны встроены в XVIII в. части). Проводились и необходимые земляные работы. Найденные при этом вещи пополняли фонд молодого музея. Вскоре в отреставрированных Приказных палатах открыли и первую экспозицию, вызвавшую неподдельный интерес профессионалов и публики, как и последующие, посвященные истории Коломенского (рис. 2, 3).

Следующим по хронологии проектом П.Д. Барановского оказались раскопки на площадке деревянного дворца XVII в. Он видел в нем возможный объект археологических работ по крайней мере с конца 1920-х годов. В 1930-х годах (1933, 1935 и др.) здесь шли работы под руководством К.Я. Виноградова и А.П. Смирнова. Их фиксационные материалы и находки, по крайней мере отчасти, отложились в хранилищах Коломенского и других (Баранова, Беляев, Топычканов, 2022). Однако о раскопках самого Барановского можно было судить только по смете на работы (1929 г.) (Научный архив Московского государственного объединенного музея-заповедника (НА МГОМЗ). Оп. 1. Д. 112. Л. 1) и находках, которые потребовалось позже заново паспортизировать (этим занялась научный сотрудник музея Е.А. Мирожина).

Обращение к рукописи в фонде П.Д. Барановского в разделе “Коломенское” во многом проясняет картину (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 5–21; здесь и далее мы используем принятый в настоящее время шифр фонда П.Д. Барановского; ранее мы ссылались на внутренний номер документов, ср.: Баранова, Беляев, Топычканов, 2022). Рукопись

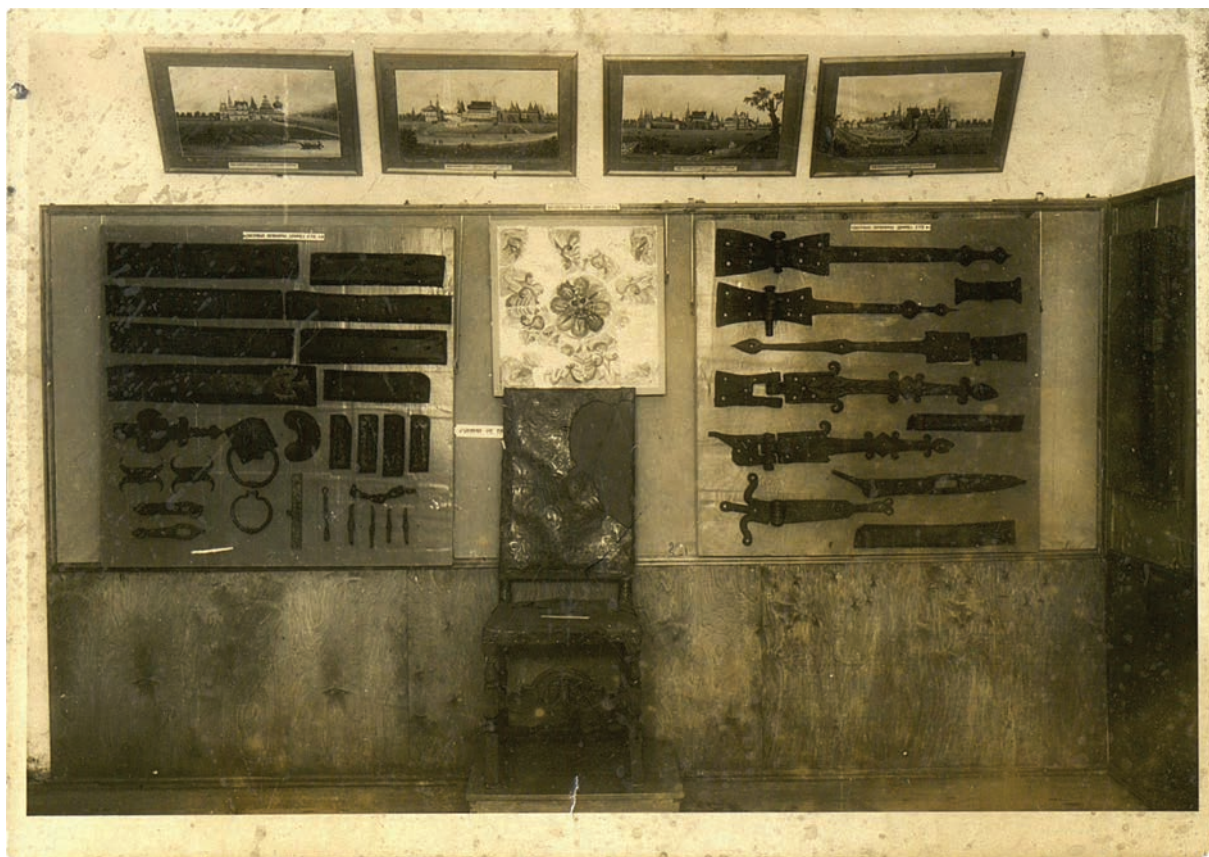

Рис. 3. Н.А. Стулов. Экспозиция “Дворец в Коломенском”. Передние ворота. Музей-заповедник “Коломенское”. Фотография. 1940 г. МГОМЗ.

Fig. 3. N.A. Stulov. Exposition “Palace in Kolomenskoye”. Front gate. “Kolomenskoye” Museum-reserve. Photo of 1940

на тетрадных листах в клетку (17 листов, бумага, карандаш), озаглавлена *“Изучение и раскопки Коломенского дворца”*. Листы заполнены набросками к некоему “сообщению”, вероятно, призванному убедить в необходимости новых археологических работ. Это рабочий документ: текст испещрен правками, в нем много сокращений (при публикации мы их раскрыли).

Рукопись не могла появиться ранее лета 1936 – конца 1940-х годов – с октября 1933 до мая 1936 г. Петр Дмитриевич находился в ссылке. В начале 1940-х годов он консультировал Е.А. Мирожину при разборе коллекций, а в конце десятилетия работал вместе с архитектором И.В. Маковецким над созданием макета Коломенского (сейчас в собрании ГНИМА им. А.В. Шусева). А также пробовал возобновить раскопки, на что указывает записка 1947 г.: *«Летом 1947 г. в связи с необходимостью размещения фондов музея Колом., удаленных из северного придела Казан. Церкви, возникла мысль построить здание на месте разобранных палат Кормового дворца. В связи с этим П.Д. Барановским получено в Гл. Упр. Охр. пам-ков удостоверение “на научное руководство архит.-археолог. раскопками, производящимися музеем Коломенское для задач ар-*

хит. рест. пам-ников”. Кроме раскопок на Кормовом дворце имелись ввиду поиски фундаментов “рыкающих львов” у Передних ворот. Работы на Корм. Дворце частично были выполнены, но у Передних ворот не проводились из-за отсутствия раб. сил. Удост. от 12 мая 1947 г. П. Барановский» (ГНИМА ОФ-5112/53. Л. 24). Все это может объяснить появление “сообщения”. Но о послевоенных работах в нем не упоминается, отражены только раскопки 1930-х годов.

В рукописи выделены три раздела, обозначенные римскими цифрами. Первый – *“Задачи раскопок. Выяснение местонахождения и точной планировки дворца”* (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 8–9), второй – *“Возможность научно использовать в отношении показа б. Коломенского деревянного дворца”* (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 9–10), третий раздел называется *“Возможность обогащения научных знаний в отношении внутренней обстановки Коломенского дворца”* (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 10 об. – 13 об.). Затем следует наиболее важная часть рукописи – раздел *“Раскопки на территории дворца 1930 г.”* (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 13 об. – 16) (рис. 4).

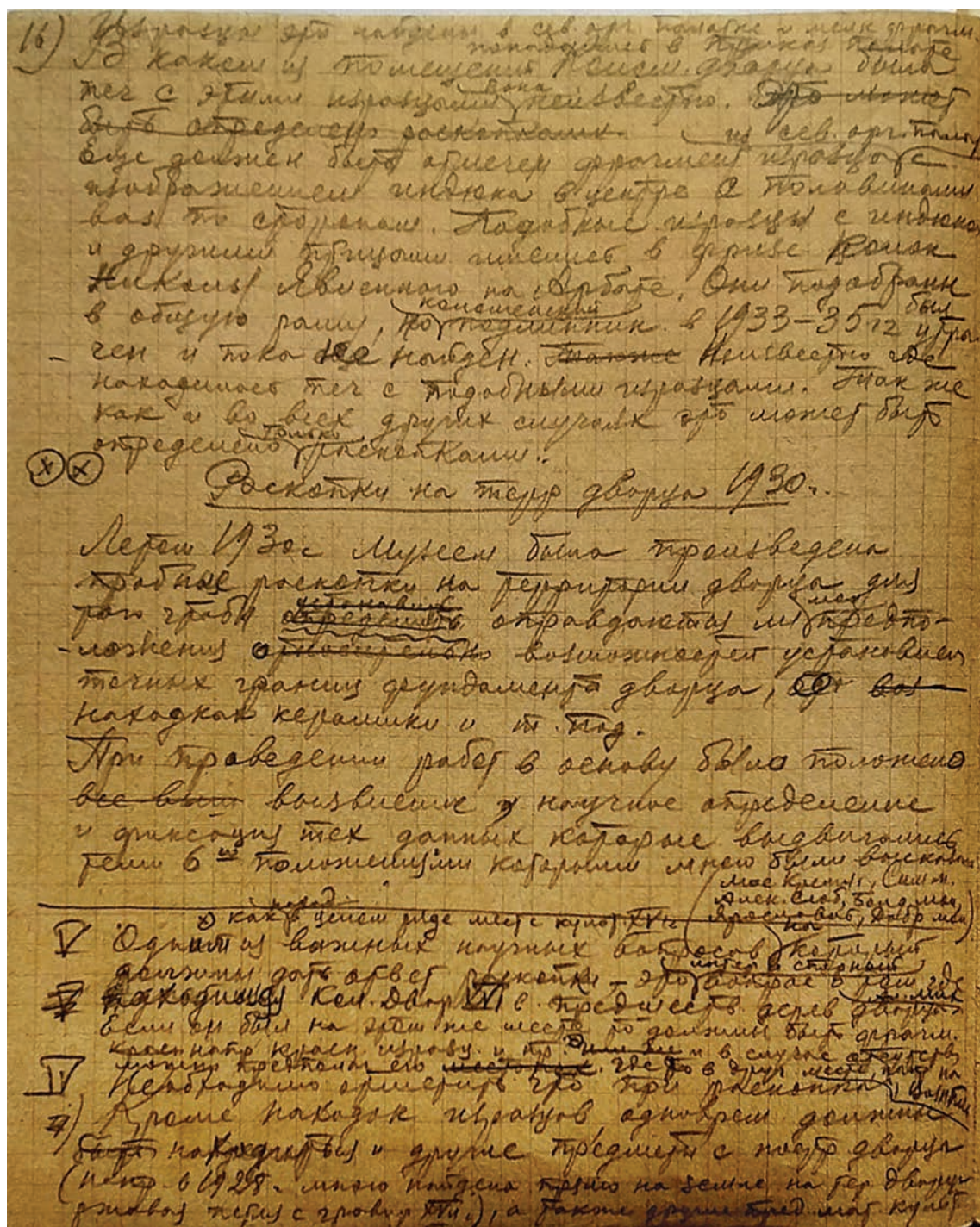

Рис. 4. П.Д. Барановский. Лист из рукописи "Раскопки и изучение деревянного Коломенского дворца 1667 г.". ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 13 об.

Fig. 4. P.D. Baranovsky. A sheet from the manuscript "Excavations and study of the Kolomenskoye wooden palace of 1667". State Research Museum of Architecture

В рукописи изложено целеполагание, описаны методика и основные результаты исследования под руководством П.Д. Барановского. Главная цель определена как историко-топографическая

(раздел "Задачи раскопок. Выяснение местонахождения и точной планировки дворца"). Для ее достижения предпринят анализ источников и территории дворища, включая краткий раз-

бор тех чертежей, которые были тогда известны. Барановский полагал наиболее достоверным план из собрания ГИМа и стремился сопоставить его с описью дворца 1742 г. Собственные натурные исследования Казанской церкви он привлек для реконструкции линии галереи перехода к хоромам (позже их оспаривает И.В. Маковецкий). Не удалась и попытка опереться на сведения о посадках акаций по периметру дворца при Екатерине II; видимо, их сажали позже, на акварели начала XIX в. (школа А.Я. Алексеева) дворце показано пустым. Он пишет *“Акации, посаженные вокруг фундаментов дворца, как говорят об этом... дают только грубо ориентировочное представление о его расположении, но даже сличение этих признаков с планами Забелина говорит за то, что дворец отстоял значительно дальше от Казанской церкви”* (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 9). Очень кратко упомянуты раскопки 1933 и 1935 гг. (см. ниже). Практический вывод звучит так: *“Попытки точно определить на месте расположение дворца на основании опубликованных планов не увенчались успехом; из этого ясно, что только раскопки дадут возможность уяснить этот вопрос”* (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 9).

Дополняет картину состояния объекта раздел *“Возможность научно использовать в отношении показа б. Колом. деревянного дворца”*: *“В настоящее время территория дворца представляет собой ряд высоких бугров, ям и канав, поросших акациями, в которых с трудом можно установить те кустарники”,* которые были, по свидетельству Корсакова, *“посажены по фундаментам дворца”,* а затем *“так разрослись и неоднократно подвергались вырубке”,* что прочесть план *“возможно с большим трудом и не во всех местах”,* тем более что *“по этим буграм в некоторых местах выросли большие вязы... Перед организацией музея в первые годы революции акации и бурьян так буйно разрослись, что летом здесь нашли себе приют бандиты и беспризорники, наводившие своими набегами на жителей и огороды такой страх, что по аллее ночью боялись проходить. В 1925 году территория бывшего дворца была расчищена, акации вырублены и подстрижены с попыткой оценить плановость в их посадке, но во многих случаях это оказалось невозможным. Но и до настоящего времени это одно из самых интересных мест в Коломенском остается заброшенным и неудобным для культурного использования пустырем”* (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 9 – 9 об.).

Значит, П.Д. Барановский предпринимал очистку площади хором от зарослей, надеясь увидеть линии акаций, еще за 5 лет до раскопок. Это ему не удалось, зато удалось сделать точное наблюдение о рельефе объекта (*“сличение планов дворца с местностью определено говорит за то, что в большинстве случаев каждый из бугров на территории дворца отвечает какой-либо из его палат, и канавы вокруг этих бугров отвечают стенам*

или фундаментам дворца” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 9 об. – 10)) и причинах его формирования (*“Предварительный осмотр наталкивает на мысль, что выкапывание камня из фундаментов образовало канавы по периметру всех стен, и мусор, выкопанный из них, образовал бугры на местах палаток”* (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 10)). Подчеркивается, что *“раскопки полностью подтвердили эти предположения”* (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 10).

Убеждая читателя (или слушателя), что дворец *“для восстановления его облика”* следовало бы раскопать (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 8), Барановский указывает на важность археологии для благоустройства дворища и полноценного включения его в музейное пространство. Исследование *“дало бы возможность путем реконструкции фундаментов, хотя бы только по углам палаток, дать полное представление об этом местоположении дворца, о размере помещений и т.д. Оно дало бы возможность спланировать место и культурно его использовать даже для музейного показа, проводя посетителей как бы по всем... помещениям дворца, разъясняя их особенности архитектурной планировки, бытового размещения в том же примерно аспекте, как показывались раскопки Херсонеса и Трои”* (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 10).

Итак, главные задачи П.Д. Барановского – выявление, научное определение и фиксация (*“установить, оправдаются ли предположения о возможности установок точных границ фундамента дворца, находках керамики и т.под.”* (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 13 об.)). Он формулирует ряд задач–*“положений”*: *“1) Определение точного места дворца. 2) Планировка и музейное использование дворца после раскопок. 3) Находки керамики и возможность определения цельных печных комплексов. 5) Находки других предметов материальной культуры. 6) Определение по находкам местоположения Коломенского дворца XVI века”* (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 14; пропущен пункт 4).

Раскрытие 1930 г. он рассматривал как пробное, осмотрительно наметив участок, позволявший сохранить цельность всего объекта: в наружном углу дворца *“была выбрана одна палата в хорах царя, которая по плану опубликована Забелиным, значит в нижнем житье под номером 85, и в верхнем житье под номером 6”* (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 14). То есть комната *“хором царя”* (№ 6) и подклет под ней (№ 85) (рис. 5).

Серьезно подошел Барановский и к топографической привязке. Межевой инженер Плотников выполнил крупный план дворища, соотносенный с историческими сведениями. Его разбили на квадраты, отмеченные на местности реперами. Открываемые печи и углы помещений предполагали закреплять несколько экзотическим способом, составляя по углам пирамидки (для них заранее собрали 50 м³ битого кирпича).

Рис. 5. П.Д. Барановский. План деревянного дворца в Коломенском с помеченными на нем основными местами раскопов 1930, 1933 и 1935 гг. Конец 1940-х годов. ГНИМА. ОФ-5112/45. Л. 4.

Fig. 5. P.D. Baranovsky. Plan of the wooden palace in Kolomenskoye with the indication of main excavation sites of 1930, 1933 and 1935. Late 1940s. State Research Museum of Architecture

Избранный участок описан достаточно подробно. Это невысокий “бугор, окопанный канавами” (разница вершины бугра и дна канавы около 10 см), в северо-западном углу рос вяз толщиной около 30 см — его сохранили. Точность, с которой угадано помещение, объяснима: в 1719—1722 гг. под деревянные хоромы подвели каменные фундаменты, из которых после разборки в 1760-х годах добывали строительные материалы. В результате по стенам хором выбор сполый образовал канавы, а выброс грунта — бугры. Возник как бы “негатив” плана дворца.

“Экспедиция” состояла всего из трех человек: самого Петра Дмитриевича, научного сотрудника музея В.А. Каульбарса и одного рабочего (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 14). Интересна последовательность работ: начали с разборки мусора и слоя внутри палаты до материка (“первоначально раскопали бугор до границы канавы, на глубину до грунта, в котором уже не попадалось никаких сле-

дов человека” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 15)). Затем разобрали канавы с остатками фундаментов из белого камня и кирпича XVIII в., почти везде выбранных. Полученный грунт просеивали, а рельеф восстанавливали (“затем после просеивания земли и отборки предметов материальной культуры, землю вновь ссыпали в виде того же бугра и производили уже раскопку фундамента” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 15)). Был получен точный план фундамента шириной 72—75 см со стенками выбранных рвов. Грунт в них был насыщен отесками камня, щебня и извести. Раскрыли также стыки с соседними палатами № 7/89 и 5/84. Углы решили не отмечать кирпичными столбиками, а забить по углам колья.

Хотя насыпь бугра и подстилающий слой, видимо, не разделяли, и зачисток не делали, суммарная картина была дана: бугор состоял из строительного мусора (кусочки щебня, известь), земли и “перегноя” (т.е. гумуса). Были найдены

маленькие кусочки слюды и кованые гвозди, битые и целые кирпичи XVII в., размеры и клейма которых автор сравнил с сохранными кладками Государева двора, уже хорошо им изученными. П.Д. Барановский полагал, что этот кирпич — от фундаментов печей, но в подклете контур печи не был выявлен. Он считал, что печь осталась в не-копаном углу, под вязом. Но на плане Ф. Берхгольца, Петру Дмитриевичу еще не известном, в помещении печи нет вообще (ближайшая — в комнате № 7/89). Внешние углы палат предпочитали не отапливать, складывая печи во внутренних покоях.

То, что нашли довольно много фрагментов изразцов второй половины XVII в., Барановский объяснял тем, что печи разобрали не ранее, чем при сломе дворца, оставляя битые изразцы на месте и тем самым увеличивая “бугры”. Подробное описание изразцов, найденных в ячейке покоя № 6/85 хором царя, он поместит ниже по тексту, в общем анализе изразцов Коломенского, причем укажет аналоги. Приводим текст целиком.

“1. Ножсек печных ценинных почти цельных (с отбитыми углами) 2 штуки и небольшой фрагмент.

2. Арочка не полная ценинная.

3. Изразец фрагмент из основного тела печи, рельеф ценинный кубчатого рисунка (тот же мотив, как в проводной трубе из Строгановского училища или в церкви Николы Явленного). Фон... середина внутри клейма ... Середина клейма неизвестного рисунка (цветок-розетка, как найденный в Северном Корпусе у Передних ворот).

4. Изразец (4 фрагмента) рельефный с изображением в виде картуши, типичный для Петровской эпохи. Можно предполагать, что он попал во время одного из ремонтов печи во время Петра. Основной фон белый. Внутри картуши бирюзовый. Картуш желтый. В центральном овале синим нарисован цветок.

5. Поясок (2 фрагмента) с рисунком желтые плоды в центре и двух желтых цветков по бокам. Фон бирюзовый, ветки белые.

6. Поясок (2 фрагмента) с рисунком акротериев с цветочками в вилках между ними. Фон бирюзовый, ветки белые, акротерии желтые и коричневые.

7. Валик с сильно рельефным рисунком в виде скобок с кружками на концах и со звездочками между ними по бирюзовому фону.

8. Фрагментов изразцов еще не выделенной композиции 4 штуки, размер каждой около 50 кв. см” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 15 об.).

Барановский счел, что пробные раскопки показали возможность точно привязать дворец на местности, локализовать его печи, восстановить типы их орнаментов и общую композицию.

Третий раздел сообщения — описание избранных находок. Он построен не столько как полевая опись 1930 г., сколько как небольшое сочинение об изразцах (о других находках сказано очень мало).

Здесь П.Д. Барановский очень точно указывает на преимущества материала из раскопок: описания интерьеров XVII в. известны, а в коллекциях есть изразцы, но одно с другим трудно связать, ведь вещи без “паспортов о принадлежности” или «грубые подделки под “боярский быт” в Кремлевских теремах и доме бояр Романовых» (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 11). Изразцовый же материал, “который собран в Историческом музее и его филиале Коломенское” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 11), огромен и четко соотносим с памятником, причем привязан к точкам печей: уже в 1930 г. “находки изразцов позволяют предположить, что печи разбирались при сломке дворца, а не раньше, т.к. иначе не сохранилось бы на месте дворца такого значительного количества их. При сломке печей разбитые изразцы оставались на месте и падали вместе с разбиравшимися полами на землю, образовав те бугры, которые мы наблюдаем на месте дворца...” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 15). Поэтому материал “в отношении раскопок и изучения Коломенского дворца должен играть особенно выдающуюся роль” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 11).

Так, одной из двух основных задач раскопок, вслед за топографической, становится реконструкция изразцовых печей. Причем эти задачи взаимосвязаны: необходимо локализовать на местности и помещения хором, и печи конкретных типов и дат: “в результате раскопок мы сможем, при наличии сохранившихся описаний, установить, какая печь, из каких изразцов, какой композиции печь или проводная труба находилась в тех или иных хорах царя, его семьи, служебных помещениях и т.д.” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 11 об.). Это даст возможность “несравненно обогатить теперешнюю экспозицию подлинных остатков Коломенского дворца, довольно скудную вещественными остатками... Мы, я полагаю, сможем дать рисунки печей по каждой из палат и, может быть, даже восстановить целые печи” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 11 об.) — что и включается в план работы музея. Аналитический прием был предложен Барановским очень логично. Задача пространственного соотношения конкретных печей и помещений стоит до сих пор, качество отчетов о работах 1990–2000-х годов не позволило ее решить (Баранова, Беляев, Топычканов, 2022. С. 202–205).

Этими сведениями ограничивается материал отчета 1930 г. Но П.Д. Барановский включил в соображение “археологию изразца” в Коломенском целиком. Именно из этого сообщения мы узнали, что первые находки здесь сделал (вероятно, подняв с поверхности) и передал в Исторический музей еще в 1880-х годах Г.Д. Филимонов. Там их

Петр Дмитриевич обнаружил и забрал в Коломенское. Сам он в 1911 г. нашел “на земле за Вознесенской ц. по дороге в Дьяково еще один цветной печной изразец” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 12). Также, в 1925 г. “на глубине аршина была найдена большая группа изразцов [выброшенных. — С.Б., Л.Б.] из окон Приказной палаты” (Гра, 1993. С. 275).

Очень важны первые и довольно подробные сведения о реставрационном исследовании 1923—1928 гг. с находками “интересными и обильными”. Так, зеленые изразцы “кубчатого рисунка с пальметкой внутри” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 12) отмечены “в самих помещениях” Сытного дворца и в первой Ключничьей палате, а “с арочкой плетения, внутри которой цветок в кувшине” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 12) — во второй. Также “особенно большое количество изразцов почти исключительно цветных было найдено при вывозе мусора из северной органной палатки передних ворот” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 12 об.). Предположение, что “в этом помещении были сложены изразцы из разных печей дворца и хранились в нем” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 12 об.), а затем попали в мусор или были использованы как бут, сомнительны (несмотря на пример из церкви в Дьяково, где “подобные же изразцы ... найдены в одних из закладок в стене Ивановской церкви в приделе Константина и Елены, где, по-видимому, когда-то была печь” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 12 об.)).

Описываются “рельефные, но более мелкого размера, приближающиеся к типичным для эпохи Петра I” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 13), найденные “в верхних палатках Передних ворот” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 13). Из случайных находок указан зеленый изразец с изображением воинов на приступе (взят при входе в чулан Сытного двора) и находка в Казанском саду цветного изразца с прозрачной поливой, “похожего на фарфор” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 13) и “совсем не обычного для техники XVII в.” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 13).

Опыт работы в дореволюционной школе реставрации приучил Петра Дмитриевича строго документировать материал: “все находки изразцов собирались в отдельные ящики по месту находки с соответствующими надписями” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 13). Но мелкие фрагменты до подбора он не маркировал: “Инвентаризация отдельных кусков не производилась, т.к. они должны были быть сперва подобраны в целые произведения и, кроме того, намечавшаяся большая работа по раскопкам могла дать точную датировку и паспортизацию многим изразцам, а также дать возможность определить пока еще не найденную композицию цельного рисунка для многих фрагментов” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 13). Вероятно, этим тогда и не было времени заниматься.

Зато возможность подбора отмечается. Находки “в северной арочной палатке” (ГНИМА

ОФ-5112/56. Л. 13) дали “пример произведенного ... подбора цельной большой композиции, в центре которой помещается круглый изразец и по углам четыре фигурных изразца с растительным орнаментом, составляющий вместе с центральным большую рельефную розетку” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 13). Приведена и ссылка на аналог: “совершенно такие же изразцы были применены в метопах Земского приказа... на Красной площади в Москве” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 13). Изразцы печи “с изображением индюка в центре с половинками ваз по сторонам” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 13 об.) были “подобраны в общую раму” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 13 об.), но потеряны: “подлинник в 1933—1935 гг. утрачен и пока не найден” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 13 об.). Приводится отсылка на “подобные изразцы с индюками и другими птицами” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 13 об.) во фризе колокольни церкви Николы Явленного на Арбате.

Подъемный материал тогда не ограничивался изразцами: “одновременно должны были находиться и другие предметы из построенного дворца (в 1925 г. мною найдена прямо на земле на территории дворца ржавая петля с гравировкой XVII в.), а также другие предметы материальной культуры”, — пишет Барановский (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 13 об.).

В конце сообщения упомянуты работы А.П. Смирнова между двориком хором царевича, каменными (Садовыми) воротами и хорами царя (“Раскопки 1933 года аспирантов ГИМ”) (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 16 — 16 об.); подробнее об этих работах см.: Баранова, Беляев, Топычанов, 2022). Барановский в них не участвовал, занятый сборкой деревянной башни Карельского острога, о чем и пишет: “точные обстоятельства и условия произведения работ мне не известны” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 16 об.). Но он знает, что целых изразцов не нашли, а среди фрагментов выделяет: печную арочку с рисунком вазы на гирьке; стенной изразец с остатками птицы (типа Сухаревой башни?); “акротерий” (городок) от верха печи; изразцы с композицией звезды.

В 1935 г. Барановский был в ссылке и в работах К.Я. Виноградова на месте хором царицы участвовать не мог. Но он их критически комментирует, осудив слабую фиксацию работ (из-за чего “точное место нахождения изразцов определить” не представляется для него возможным (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 17)) и поставив под сомнение исходные материалы (“Откуда размеры комнат дворца в описании Чаева? После Ачаркана?” (ГНИМА ОФ-5112/56. Л. 17)).

Таким образом, сохранившийся материал содержит написанный кратко, но точно и осмысленно отчет о полевых работах 1930 г., а также общую оценку археологии Государева двора в Коломенском в этот период.

Рис. 6. М.А. Гра. Зарисовки изразцов, найденных при раскопках в Коломенском в 1930-е годы. Частный архив.
Fig. 6. M.A. Gra. Sketches of tiles found during excavations in Kolomenskoye in the 1930s. Private archive

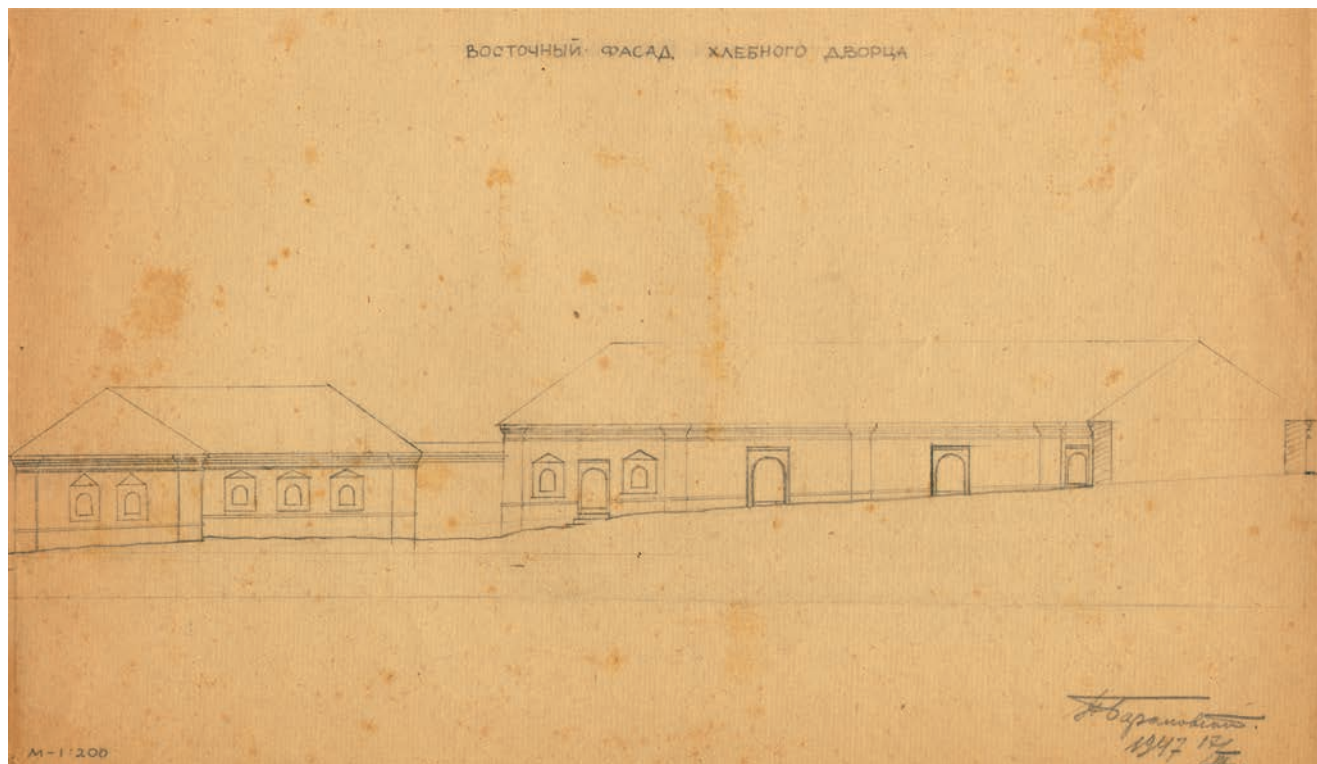

Рис. 7. П.Д. Барановский. Восточный фасад Хлебного дворца. Рисунок 1947 г. ГНИМА. ОФ-5112/53. Л. 32.

Fig. 7. P.D. Baranovsky. Eastern facade of the Bread Palace. A drawing of 1947. State Research Museum of Architecture

Выходя за рамки сообщения, отметим, что состояние учета и сохранности коллекции из раскопок постоянно тревожило П.Д. Барановского. Еще в 1934 г., находясь в заключении, П.Д. Барановский составляет записку о неоконченных работах, передав ее в музей. В ней, в частности, он пишет:

“Очень большое количество имущества, приведенного в музей при моем участии, к сожалению, осталось не заинвентаризировано, и без меня никто не сможет большинству этого имущества дать научное определение... Этот вопрос инвентаризации для меня один из самых мучительных, т.к. я знаю, что без меня здесь ничего как следует сделать невозможно, а с другой стороны, также знаю, что попытки в этом направлении будут, и ничего кроме лишней путаницы не дадут. Мне очень хотелось бы помочь музею разобраться в этом деле, но пока ничем помочь не могу. Я полагал бы, что Вам пока лучше проводить научную инвентаризацию по особой инвентарной книге, не трогая старую, в пределах того, что возможно сделать без моего участия. Также очень плохо обстоит дело с определениями большого количества керамики, собранной в музее. Особенно большую ценность для музея представляла керамика Коломенского дворца, найденная при работах 1925–28 гг., но ее этикетаж, был, к сожа-

лению, растерян почти полностью при переноске в теперешнее помещение. Может быть, когда-нибудь удастся по запискам и частью по памяти восстановить определение этих материалов...” (НА МГОМЗ. Оп. 1. Д. 182. Л. 12 об., 13).

Кратко упомянем о дальнейшей судьбе находок 1920–1930-х годов, к систематизации которых в начале 1940-х годов обратилась Е.А. Мирожина. Это потребовало значительных усилий. Ею отмечено, что “К коллекции не имеется дневника и отчета о раскопках, на которых был обнаружен материал; материал в своей массе не шифрован. Для получения более точных данных о коллекции делали запросы лиц, производивших раскопки или участвовавших в них (П.Д. Барановский и Н.А. Стулов), но за давностью времени (материал поступил в 1930–1935 гг.) консультанты не могли дать исчерпывающих сведений. Данное обстоятельство вызвало затруднения при описании коллекции” (НА МГОМЗ. Оп. 1. Д. 112. Л. 8 об.).

Разобрав сложенный в ящиках материал, Е.А. Мирожина дала его общую характеристику: “...по своему содержанию данные коллекции состоят преимущественно из фрагментов печных изразцов, в небольшом количестве желтого строительного материала из железа (гвозди), небольшого количества фрагментов сосудов и как единичные

Рис. 8. Зарисовка изразца, найденного при раскопках в Коломенском, с подписью П.Д. Барановского “Хоромы царя ком. 6 Под. 85. Раск. 1930 г. 2 фрагм. 1. Цветок внутри имеет не белый, а коричневый цвет. 2. Хоромы царицы 15 1 площ. раск. 1935 г. / Подобный зеленый есть в Александр. и Ник. Явл. на Арб. / Изразцы шли в перевязку швов, т.к. найден один фрагмент имеющий разрез в середине настоящего рисунка”. 1940-е годы. ГНИМА. ОФ-5112/57. Л. 69.

Fig. 8. Sketch of a tile found during excavations in Kolomenskoye, signed by P.D. Baranovsky. 1940s. State Research Museum of Architecture

случаи встречаются небольшие цельные предметы бытового характера (конусообразный горшочек, фаянсовая трубочка и т.п.)” (НА МГОМЗ. Оп. 1. Д. 112. Л. 10). Она выделила некоторые комплексы, ориентируясь на сохранившуюся раскладку по ящикам и записки, которые в них сохранились. В записке “Данные о коллекции по Коломенскому дворцу, полученные в результате приведения коллекции в порядок” Мирожина не указывает автора реставрационных работ и раскопок 1930 г., вероятно, сознательно, полагая, что в данном случае *nomina sunt odiosa*. Она пишет: “...состав коллекции оказался неоднороден по месту своего происхождения и по способу поступления”.

1. Материал из раскопок 1930 (автор не указан) с указанием места происхождения: “Коломенский дворец”, на изразцах помета: “комната 6, под-клет 85”.

2. Материал из раскопок А.П. Смирнова 1932–1933 гг. (ящик № 2) с указанием места его находки: “У ворот хором царева” и “на дворике у хором царева” (ящики № 2 и № 3).

3. Материал, найденный у Ключничьих палат — ящики № 4, 5, 6; на записи имеются указания, что материал найден снаружи, у северной стены, под западным окном; относительно материала одного из ящиков № 6, следует сказать, что он отнесен к данной коллекции предположительно, согласно одной из четырех записей, найденных в ящике и характеру материала, сходного с таковым же в ящике 4-м.

4. Материал ящиков № 7 и 8 находился в двух отделениях большого ящика с обозначением в одном из них “найден при ремонте Приказной палаты” (НА МГОМЗ. Оп. 1. Д. 112. Л. 9 — 9 об.).

В первом, третьем и четвертом пунктах речь, несомненно, идет о находках П.Д. Барановского.

В конце 1940-х годов систематизацией археологической коллекции серьезно занялась хранитель М.А. Гра, написавшая в конце 1940-х годов работу “Печи Коломенского деревянного дворца XVII века” (НА МГОМЗ. Оп. 1. Д. 145. Л. 1–45), опубликованную в 1993 г. (рукопись подготовили к публикации С.И. Баранова и В.Е. Суздалев, см.: Гра, 1993), а в 1960-х годах провела инвентаризацию находок, отраженную в инвентарных книгах фонда “Изразцы” МГОМЗ (рис. 6). В дальнейшем изучение изразцовых печей дворца в Коломенском были продолжены хранителем коллекции С.И. Барановой (2007).

Раскопки 1947 г. стали последними археологическими работами П.Д. Барановского в Коломенском, заставившие его в 1940–1950-х годах вновь обратиться к накопленному им археологическому материалу. В его фонде в ГНИМА им. А.В. Шусева сохранилось много графических материалов, показывающих аналитический метод архитектора: привязку открытых кладок к местности и сов-

мещение полученной сетки с архивными планами разных периодов; работу с находками и их картографирование; реконструкцию утраченных объемов на основе описей и натурных наблюдений над остатками стен (Кормовой двор) (рис. 7). Среди них нами обнаружены: новые описания работ; серия кроки, сделанных для совмещения планов дворца и раскопов (ГНИМА.ОФ-5112/45); описания остатков дворца (ГНИМА.ОФ-5112/43); многочисленные рисунки, найденные во время раскопок изразцов (они надписаны Барановским, но уровень графики заставляет сомневаться, что это его собственные зарисовки) (ГНИМА.ОФ-5112/57) (рис. 8) и их фотографии (ГНИМА.ОФ-5112/58).

Все это открывает перспективу дальнейшего исследования и указывает на необходимость полной публикации архива П.Д. Барановского, относящегося к объектам Коломенского. Надеемся осуществить его совместно с коллективом ГНИМА им. А.В. Шусева.

В заключение отметим, что облик работ П.Д. Барановского в Коломенском, который предстает теперь гораздо яснее, наряду с ранее представленными его работами по изучению Смоленской ротонды и Соловецкого монастыря, включает в себя все больше черт ученого, стремящегося к применению тогда еще новых методов архитектурной археологии.

Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030) (С.И. Баранова).

This study was supported by the Tomsk State University Development Programme (Priority-2030) (S.I. Baranova).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранова С.И. К вопросу о реконструкции изразцовых печей Коломенского дворца // Коломенское: Материалы и исследования. Вып. 10. М., 2007. С. 118–134.
- Баранова С.И., Беляев Л.А., Топычканов А.В. Резиденция Петра I в Коломенском: комплексное историко-археологическое исследование. М.: Индрик, 2022. 376 с., ил.
- Беляев Л. А., Кренке Н. А. Археологические исследования дворца царя Алексея Михайловича в Коломенском // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 4. М., 1993. С. 72–112.
- Болдинский монастырь / Сост. А.М. Пономарев. М.: Прогресс-Традиция, 2004 (Из архива архитектора-реставратора П.Д. Барановского; т. 2). 320 с., ил.
- Государственный научно-исследовательский музей архитектуры. ОФ-5112/43. Коломенское. Деревянный дворец. XVII в. Рукописные материалы.
- Государственный научно-исследовательский музей архитектуры. ОФ-5112/45. Коломенское. Деревян-

- ный дворец. XVII в. Кроки. Планы дворца и раскопок.
- Государственный научно-исследовательский музей архитектуры. ОФ-5112/53. Л. 24. Коломенское. Спасские ворота. Кормовой и Хлебные двory. XVII в.
- Государственный научно-исследовательский музей архитектуры. ОФ-5112/56. Л. 5–21. Коломенское. Рукописные материалы. Раскопки и изучение деревянного Коломенского дворца 1667 года.
- Государственный научно-исследовательский музей архитектуры. ОФ-5112/57. Коломенское. Рисунки изразцов.
- Государственный научно-исследовательский музей архитектуры. ОФ-5112/58. Коломенское. Фото: изразцы полихромные XVII в. из Коломенского.
- Гра М.А. Печи Коломенского деревянного дворца XVII в. // Коломенское: Материалы и исследования. Вып. 5, ч. 2. М., 1993. С. 272–285.
- Дудочкин Б.Н. Текст надгробия Андрея Рублева – “благонамеренная” фальсификация П.Д. Барановского // Неизвестные произведения. Новые открытия: сб. науч. ст. к юбилею Музея им. А. Рублева. М.: Музей им. Андрея Рублева, 2017 (Тр. Центр. музея древнерус. культуры и искусства им. Андрея Рублева; т. XIV). С. 514–547.
- Кавельмахер В.В. О себе и современниках [Электронный ресурс]. 2004. URL: <http://www.kawelmacher.ru/kawelmacher5.htm> (дата обращения 23.07.2023).
- Казусь И.А. Архитектор П.Д. Барановский: сохранение и реставрация памятников зодчества Ярославля (1918–1931 гг.) // Архитектурное наследие. Вып. 63. М.; СПб., 2015. С. 188–202.
- Научный архив Московского государственного объединенного музея-заповедника. Оп. 1. Д. 112. Сведения об археологических изысканиях на территории Музея “Коломенское” за 1929, 1933, 1935, 1940 гг.
- Научный архив Московского государственного объединенного музея-заповедника. Оп. 1. Д. 145. Л. 1–45. Гра М.А. Научная работа “Печи и изразцы Коломенского дворца XVII в.”. 1959 г.
- Научный архив Московского государственного объединенного музея-заповедника. Оп. 1. Д. 182. Исторические сведения о Карельской башне (Надвратной башне Николо-Карельского монастыря 1692 г.)
- Оксенюк А.А. Архивные материалы о деятельности П.Д. Барановского по сохранению памятников Андроникова монастыря в Москве в 1920–1950-е годы // Россия. Грузия. Христианский Восток. Духовные и культурные связи: сб. ст. по материалам VI Науч. чтений, посвящ. памяти Д.И. Арсенишвили. М.: Центр. музей древнерус. культуры и искусства им. Андрея Рублева, 2019 (Тр. Центр. музея древнерус. культуры и искусства им. Андрея Рублева; т. XVI). С. 150–153.
- Оксенюк А.А. Экспедиции П.Д. Барановского на Русский Север в 1920–1930-е годы // Русское деревянное. Взгляд из XXI века. Архитектура XIV–XIX веков. М.: Кучково поле, 2015. С. 168–177.
- Петр Барановский: труды, воспоминания современников / Сост. Ю.А. Бычков и др. М.: Фонд П.Д. Барановского, 1996. 280 с., ил.
- Смоленская ротонда XII в. / Сост.: В. А. Буров, А. А. Оксенюк. М.; СПб.: Нестор-История, 2020 (Из архива архитектора-реставратора П.Д. Барановского; т. 3). 88 с., ил.
- Соловецкий монастырь / Сост.: В.А. Буров и У.А. Черновол. М.: Прогресс-Традиция, 2000 (Из архива архитектора-реставратора П.Д. Барановского; т. 1). 151 с.: ил.
- Формозов А.А. О двух документах 1860-х гг., касающихся древнерусской архитектуры // Советская архитектура. 1988. № 2. С. 132–134.
- Ходаковский Е.В. Северные экспедиции П.Д. Барановского 1920, 1921 и 1926 годов // Архитектурное наследие. Вып. 63. М.; СПб., 2015. С. 163–187.

P.D. BARANOVSKY AS AN ARCHAEOLOGIST: KOLOMENSKOYE IN THE 1920s–1940s

Svetlana I. Baranova^{a,b,#} and Leonid A. Belyaev^{c,##}

^aTomsk State University, Russian State University for the Humanities, Tomsk, Russia

^bRussian State University for the Humanities, Moscow, Russia

^cInstitute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

[#]E-mail: labeliaev@bk.ru

^{##}E-mail: svetlanbaranova@yandex.ru

The article addresses the question of the need to publish a part of the archive of the renowned 20th century architect-conservator Pyotr Dmitrievich Baranovsky. It is associated with his studying of the regal residence of the 16th–19th centuries in the settlement of Kolomenskoye (now the territory of Moscow). This paper publishes part of the review of archaeological works in Kolomenskoye compiled by the researcher in the 1940s and newly found in his archive. The document contains a brief account of the 1930 excavations at the site of the “Wooden Palace of Tsar Alexei Mikhailovich”, a Moscow’s masterpiece of architecture. So far, no materials recording these works have been known. The found document also includes a description of the restoration of the palace’s stone structures conducted by P.D. Baranovsky in 1923–1928 and presents the context of the archaeological work of 1933 and 1935. Particular attention is paid to the reconstruction of the layout

of the palace on the ground and the localization of its stoves, as well as the characteristics of their tiled decor. The article also publishes the analytical graphics by the architect of the 1940s associated with the reconstruction of the remains of the palace and the development of its new model.

Keywords: Moscow state, wooden palace in Kolomenskoye, modern archaeology, tiles, residences of tsars, history of archaeology, history of conservation, museum studies.

REFERENCES

- Baranova S.I., 2007. To the reconstruction of tiled stoves in the Kolomenskoye Palace. *Kolomenskoe: Materialy i issledovaniya [Kolomenskoye: Materials and research]*, 10. Moscow, pp. 118–134. (In Russ.)
- Baranova S.I., Belyaev L.A., Topychkanov A.V., 2022. Rezi-dentsiya Petra I v Kolomenskom: kompleksnoe istoriko-arkheologicheskoe issledovanie [Residence of Peter I in Kolomenskoye: a comprehensive historical and archaeological study]. Moscow: Indrik. 376 p., ill.
- Belyaev L.A., Krenke N.A. Archaeological research of the palace of Tsar Alexei Mikhailovich in Kolomenskoye. *Kolomenskoe. Materialy i issledovaniya [Kolomenskoye. Materials and research]*, 4. Moscow, 1993, pp. 72–112. (In Russ.)
- Boldinskiy monastyr' [The Boldino Monastery]. A.M. Ponomarev, comp. Moscow: Progress-Traditsiya, 2004. 320 p., ill. (Iz arkhiva arkhitekтора-restavratora P.D. Baranovskogo, 2).
- Dudochkin B.N., 2017. The text on Andrey Rublev's grave-stone — a "well-intentioned" falsification by P.D. Baranovsky. *Neizvestnye proizvedeniya. Novye otkrytiya: sbornik nauchnykh statey k yubileyu Muzeya imeni A. Rubleva [Unknown works. New discoveries: Collected articles for the anniversary of the A. Rublev Museum]*. Moscow: Muzey imeni Andrey Rubleva, pp. 514–547. (Trudy Tsentral'nogo muzeya drevnerusskoy kul'tury i iskusstva imeni Andrey Rubleva, XIV). (In Russ.)
- Formozov A.A., 1988. About two documents of the 1860s concerning old Russian architecture. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, 2, pp. 132–134. (In Russ.)
- Gosudarstvennyy nauchno-issledovatel'skiy muzey arkhitektury [State Research Museum of Architecture], OF-5112/45. Kolomenskoe. Derevyanny dvorets. XVII v. Kroki. Plany dvortsa i raskopok [Kolomenskoye. Wooden palace of the 17th century. Rough sketches. Plans of the palace and excavations].
- Gosudarstvennyy nauchno-issledovatel'skiy muzey arkhitektury [State Research Museum of Architecture], OF-5112/43. Kolomenskoe. Derevyanny dvorets. XVII v. Rukopisnye materialy [Kolomenskoye. Wooden palace of the 17th century. Manuscripts].
- Gosudarstvennyy nauchno-issledovatel'skiy muzey arkhitektury [State Research Museum of Architecture], OF-5112/57. Kolomenskoe. Risunki izraztsov [Kolomenskoye. Drawings of tiles].
- Gosudarstvennyy nauchno-issledovatel'skiy muzey arkhitektury [State Research Museum of Architecture], OF-5112/56, L. 5–21. Kolomenskoe. Rukopisnye materialy. Raskopki i izuchenie derevyannogo Kolomenskogo dvortsa 1667 goda [Kolomenskoye. Manuscripts. Excavations and research on the Kolomenskoye wooden palace of 1667].
- Gosudarstvennyy nauchno-issledovatel'skiy muzey arkhitektury [State Research Museum of Architecture], OF-5112/53, L. 24. Kolomenskoe. Spasskie vorota. Kormovoy i Khlebnnye dvory. XVII v. [Kolomenskoye. The Spasskye Gate. Food and bread yards. 17th century].
- Gosudarstvennyy nauchno-issledovatel'skiy muzey arkhitektury [State Research Museum of Architecture], OF-5112/58. Kolomenskoe. Foto: izraztsy polikhromnye XVII v. iz Kolomenskogo [Kolomenskoye. Photo: polychrome tiles of the 17th century from Kolomenskoye].
- Gra M.A., 1993. Stoves of the Kolomenskoye wooden palace of the 17th century. *Kolomenskoe: Materialy i issledovaniya [Kolomenskoye: Materials and research]*, iss. 5, part 2. Moscow, pp. 272–285. (In Russ.)
- Kavel'makher V.V., 2004. O sebe i sovremennikakh (Elektronnyy resurs) [About myself and my contemporaries (Electronic resource)]. URL: <http://www.kawelmacher.ru/kavelmakher5.htm>.
- Kazus' I.A., 2015. Architect P.D. Baranovsky: preservation and conservation of architectural monuments in Yaroslavl (1918–1931). *Arkhiturnoe nasledstvo [Architectural heritage]*, 63. Moscow; St. Petersburg, pp. 188–202. (In Russ.)
- Khodakovskiy E.V., 2015. Northern expeditions of P.D. Baranovsky in 1920, 1921 and 1926. *Arkhiturnoe nasledstvo [Architectural heritage]*, 63. Moscow; St. Petersburg, pp. 163–187. (In Russ.)
- Nauchnyy arkhiv Moskovskogo gosudarstvennogo ob"edinnennogo muzeya-zapovednika [Scientific archive of the Moscow State United Museum-Reserve], Op. 1, D. 145, L. 1–45. Gra M.A. Nauchnaya rabota "Pechi i izraztsy Kolomenskogo dvortsa XVII v." [Research paper "Stoves and tiles of the Kolomenskoye Palace of the 17th century"]. 1959.
- Nauchnyy arkhiv Moskovskogo gosudarstvennogo ob"edinnennogo muzeya-zapovednika [Scientific archive of the Moscow State United Museum-Reserve], Op. 1, D. 182. Istoricheskie svedeniya o Karel'skoy bashne (Nadvratnoy bashne Nikolo-Karel'skogo monastyrja 1692 g.) [Historical information on the Karelian Tower (Gate tower of the St Nicholas-Karelsky Monastery of 1692)].
- Nauchnyy arkhiv Moskovskogo gosudarstvennogo ob"edinnennogo muzeya-zapovednika [Scientific archive of the Moscow State United Museum-Reserve], Op. 1, D. 112. Svedeniya ob arkheologicheskikh izyskaniyakh na territorii Muzeya "Kolomenskoe" za 1929, 1933, 1935, 1940 gg. [Information about archaeological research on the territory of the Kolomenskoye Museum in 1929, 1933, 1935, 1940].
- Oksenyuk A.A., 2015. Expeditions of P.D. Baranovsky to the Russian North in the 1920s–1930s. *Russkoe derevyannoe. Vzgl'yad iz XXI veka. Arkhitektura XIV–XIX vekov [The Russian wooden one. A view from the 21st century]*.

- Architecture of the 14th–19th centuries*]. Moscow: Kuchkovo pole, pp. 168–177. (In Russ.)
- Oksenyuk A.A., 2019. Archival materials about the activities of P.D. Baranovsky on the preservation of the monuments of the Andronikov Monastery in Moscow in the 1920s–1950s. *Rossiya. Gruzija. Khristianskiy Vostok. Dukhovnye i kul'turnye svyazi: sbornik statey po materialam VI Nauchnykh chteniy, posvyashchennykh pamyati D.I. Arsenishvili* [Russia. Georgia. Christian Orient. Spiritual and cultural connections: Collected articles based on materials from the VI Scientific readings in memory of D.I. Arsenishvili]. Moscow: Tsentral'nyy muzey drevnerusskoy kul'tury i iskusstva imeni Andrey Rubleva, pp. 150–153. (Trudy Tsentral'nogo muzeya drevnerusskoy kul'tury i iskusstva imeni Andrey Rubleva, XVI). (In Russ.)
- Petr Baranovskiy: trudy, vospominaniya sovremennikov [Pyotr Baranovsky: works, memoirs of contemporaries]. Yu.A. Bychkov, ed. Moscow: Fond P.D. Baranovskogo, 1996. 280 p., ill.
- Smolenskaya rotunda XII v. [Smolensk rotunda of the 12th century AD]. V. A. Burov, A. A. Oksenyuk, comp. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020. 88 p., ill. (Iz arkhiva arkhitekтора-restavratora P.D. Baranovskogo, 3).
- Solovetskiy monastyr' [The Solovetsky Monastery]. V.A. Burov i U.A. Chernovol, eds. Moscow: Progress-Traditsiya, 2000. 151 p.: ill. (Iz arkhiva arkhitekтора-restavratora P.D. Baranovskogo, 1).